

Ак - патр Чугашвили

Олигарх.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ак – патр Алибабаевич Чугашвили

Олигарх

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34022234

SelfPub; 2018

Аннотация

Это лёгкая, ни к чему не обязывающая история мести. Свобода и ответственность, причина и следствие – категории, играющие главную роль в жизни героев этой книги. . . Содержит нецензурную брань.

Содержание

2.	13
3.	19
4.	27
5.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Я начал заниматься спортом очень рано. В семь часов утра. Обросшие анаболической говядиной качки, ещё спят. Девки, мечтающие отрастить упругие, похожие на выпуклый орешек, ягодички, ещё давятся, заталкивая в себя гнусный силос, манерно называемый мюслями. Все тренажеры свободны, и никакая потная сволочь не елозит от нетерпения, и не требует от тебя поторопиться. Я пришёл к открытию зала, для того, чтобы сжечь жирок, и пробежаться. Беговая дорожка ровно и размеренно гудела под моими ногами. Я посмотрел на дисплей – он показывал четыре километра, неплохой результат для моих сорока восьми лет! Пробегу ещё километр, и хватит на сегодня. Длительные занятия спортом погружали меня в состояние, близкое к медитативному. Мысли текли медленно, лениво, мне казалось, что я слышу скрип трущихся друг об друга полушарий моего могучего мозга... Нет, не казалось, что – то действительно скрипит, и скрипит сильно! Я оглядел пустой в это время суток (раннее утро) зал. Недалеко от меня, на тренажёре, бился в конвульсиях упитанный молодой человек. Его округлое тело совершало очень странные движения – он двигался подобно пресмыкающейся змее, единственное отличие заключалось в том, что он стоял вертикально. Именно он был источником странных звуков, скрип шел, откуда – то изнутри его капитального тела. В моём мозгу промелькнула мысль – может быть, у него проблема с суставами? Что должно произойти, чтобы кости скрипели таким жутким образом? Несмазанный он, что –

ли? Заржавел, как железный дровосек?

В этот момент ноги толстячка остановились, а поскольку дорожка продолжала двигаться, то он съехал на пол, и упал на спину, нелепо взмахнув пухленькими конечностями. Упал, и замер без движения. Первым моим порывом было помочь незадачливому спортсмену. Затем, (верный своей привычке не принимать необдуманных решений) я подумал – а зачем оно мне надо? Вдруг он заразный? Эбола, свиной грипп, фимоз – какие там ещё есть смертельно опасные болезни?

Я выключил тренажёр, и пошёл в душевую. В тот момент, когда я старательно обходил тело корпулентного атлета, его тело дёрнулось, он резко вытянул руку, и цепко схватил меня за лодыжку. Я попытался выдернуть ногу из потных пальцев полутрупа, но...это было просто невозможно, его пальцы сжались как тиски. Признаюсь, я запаниковал – в зале было пусто, и я не мог никого позвать на помощь. Я нагнулся, и попытался разжать пальцы незнакомца. Очень быстро (кто бы мог ожидать такой прыти от человека только что перенесшего припадок?) он схватил меня за шею свободной рукой, и притянул к себе. Пытаясь оставаться в рамках приличий, я прохрипел, – очень приятно, но я...некоторым образом...уже состою в отношениях...поэтому...

– ...Вот он, в руке твоей, только душу его сбереги...

– Что? Простите? Я...не очень хорошо понял...вы о чём?

– Человек праведнее ли Бога? И муж чище ли творца сво-

его?

– Да. Действительно. Вы, конечно же, правы. Полностью с вами согласен, и готов обсудить ваши претензии в соответствующей обстановке, и...

– Есть ли у дождя отец? Или кто рождает капли росы?

– Очень интересные вопросы, я думаю вам нужно обратиться к Вассерману за ответами, у меня есть его телефон...

– Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль?

– Я...я уверен, что эти достойные люди (что за имена такие? Дизайнеры что – ли?) смогут обойтись без моей помощи...вот телефон МЧС, у них есть необходимое оборудование, они и узлы развязывают, и...эти...узы могут...разрешить...

Толстяк поднял вверх потное лицо, и (абсолютно нормальным голосом) изрёк, – Боря, тебе конец! Что ты спрятал – то пропало! Что ты отдал – то твоё!

Я вырвался из рук сумасшедшего, и побежал в душевую, потирая шею на ходу (безумец был очень силён, и что – то мне прищемил, какой – то нерв, отчего шея быстро занемела). У входа в душевую, я встретил менеджера, симпатичного юношу с гладко выбритой головой. Он был одет в форменную, голубого цвета футболку, и белые парусиновые брюки. Бейджик на выпуклой, мускулистой груди радовал глаз игривой надписью розового цвета. Латинские буквы извещали о том, что юношу зовут «Vassya». Я поманил его указатель-

ным пальцем, – уважаемый Вассуя...

– Меня зовут Вася...

– Угу. Так вот. Уважаемый Вассуя, у вас в тренажерном зале беспорядок. Там лежит какое – то тело, и бредит. Будьте так любезны. Наведите порядок. Клининговую службу вызовите, что ли... Уберите этот мусор. Такой хороший клуб у вас...был, а теперь говорящие бомжи валяются...бесхозные...и не дают прохода нормальным людям.

Vassya очень странно на меня посмотрел, кивнул (молча), и ушёл в тренажерный зал. Я принял душ, с наслаждением поплескался в горячей воде, одел рабочий костюм, и вышел к ресепшену. За стойкой сидела Людочка, прекрасная, как весна, девушка, с огромными, лучистыми голубыми глазами, опушёнными бархатистыми чёрными ресницами, и лувкавыми ямочками на нежных щёчках. Каждый раз, когда я её вижу, я испытываю неясное томление, и лёгкую слабость в членах. Сама мысль о том, что таким чудом можно обладать, такая мысль кажется мне кощунством. Будь моя воля, я бы похитил её, посадил в инкрустированную алмазами башню, и ежедневно навещал с одной – единственной целью: для того, чтобы нежно подуть на её сказочно длинные ресницы, и вызвать этим её лёгкий, серебристый (словно звон нескольких колокольцев) смех. К несчастью, время разбойников, похищающих красавиц с целью удовлетворения своих эстетических потребностей, ещё не пришло. Поэтому, я протянул Людочке для приветствия правую руку, и задержал её про-

хладную ладонь в своей, чуть дольше, чем позволяют приличия, чем вызвал румянец на её личике. Улыбаясь самой лучшей из моих улыбок (моё безотказное оружие), я приглушённо произнёс, – добрый день, красавица! (Жуткая пошлятина, дело в том, что в уме, я отчаянно перебирал все, знакомые мне песни и стихи о женщинах с именем Людмила, но гадкая память подсовывала только что – то вроде: Шалаву Люську знал весь наш район, она ни одному не отказала...или: стояла Люська тёмной ночью на панели, в зубах накрашенных вертела косячок...В самом деле, ну, не станете же вы нести подобную похабщину в беседе с самой красивой девушкой в мире!).

– Итак, она звалась Людмилой, и даже в ссоре, оставалась милой...

Людмила нежно порозовела, и смущённо ответила, – Борис Петрович, вы – нехороший человек, вам обязательно надо вгонять меня в краску...

Я удовлетворённо погладил верхнюю губу, имитируя жест гусара, приглаживающего усы, и негромко пропел, – девушки в цвету, моё почтенье, девушки в цвету, любви хотенье...

– Вы – настоящий романтик! Такой эрудированный, столько стихов знаете...

Я ощутил прилив крови к моим сизым, гладко выскобленным щекам, – мне показалось, или она флиртует со мной?

– Людочка, могу я задать вам нескромный вопрос?

Она дважды моргает, выражая молчаливое согласие, я на-

бираю в лёгкие побольше воздуха...и в этот момент, откуда – то сбоку появляется Вася. Я выпускаю воздух из лёгких, одариваю его злобным взглядом, и радушно восклицаю, – О! К нам присоединился Вассуя!

– Меня зовут...

– Да – да, я в курсе. Вы навели порядок в зале? Прибрались там?

– Там никого нет. В зале, кроме вас, вообще никого нет. Вы наш первый, и единственный посетитель, за сегодняшнее утро.

Я разочарованно всплёскиваю руками, – вот, Людочка, принцип Питера в действии! Мой дорогой Вассуя (не перечьте, именно так написано на вашем бэйджике, раз уж вы такой поклонник иностранного, что пишете своё имя латиницей, то вам придётся потерпеть подобное обращение!) это очень хорошая привычка – употреблять спиртное с утра, я когда – то тоже этим увлекался, (хоть по мне и не скажешь, держу форму), немного водки натошак – это очень хорошее тонизирующее средство, но вы, похоже, не рассчитали дозу! Как это «там никого нет»? Вы хотите сказать, что у меня галлюцинации? Вы меня дураком сейчас назвали?

Юноша стремительно бледнеет, – нет,...я только сказал, что в зале никого нет, я совсем...

– Нет, вы всё – таки принимаете меня за идиота! Этот... бомж схватил меня за ногу, вот синяк остался на лодыжке! – я задираю штанину, и показываю ему девственно чистую ло-

дыжку, – и на шею кровоподтёк! Смотри! – я судорожно растёгиваю хрустящий воротничок, обнажая часть шеи таким образом, чтобы выгодно оттенить тренированные мышцы, – видишь?

Вася молчит.

– Знаете, что, юноша? Я вас понимаю, выпили на работе (я весело смотрю на Люду, ожидая увидеть улыбку на её устах, но она напряжённо смотрит куда – то вниз, и на её лице нет ни тени улыбки), пропустили сюда бомжа, а теперь не хотите признаться... И в душевой у вас беспорядок, зеркала заплёваны, на полу грязная туалетная бумага... Идите – ка вы... в душ! Приберитесь там, если не хотите, чтобы я позвонил Аркаше (для вас – Аркадию Петровичу!), и сообщил о вашей некомпетентности!

Вася послушно разворачивается, и уходит в сторону душевой. Плечи его опущены, голова уныло смотрит вниз. Я победно смотрю на Людочку, и вижу гримасу отвращения, промелькнувшую на её прелестном личике. Я зажмуриваю глаза, открываю их, да нет, мне показалось – она всё также приветлива и весела. Я грустно выдохнул – игривое настроение куда – то улетучилось, долбаный Вассуя! Сухо попрощавшись с Людмилой, я вышел из зала на улицу. Первая Лесная привычно обрушила на меня звуковую лавину: заполошенные гудки машин, визг тормозов, шипение шин... Я постоял у выхода из зала пару минут – надо было восстановить дыхание, и душевное спокойствие. Успокоившись, я сделал шаг

к моей служебной машине, подождал до тех пор, пока мой бессменный шофёр не оббежит машину, и не откроет мне дверь, и затем (с наслаждением!) погрузился вглубь приятно пахнущего освежителем салона. Ну, Вассуя! Не работать тебе больше в этом клубе! Я нажал на кнопку встроенного телефона, практически сразу раздался щелчок, и приветливый голос секретарши произнёс, – доброе утро, Борис Петрович!

– Леночка, свяжи меня с Аркадием. С тем, который тренажёркой владеет.

– Одну секундочку.

В трубке раздался надсадный кашель, и кто – то охрипший, с трудом ворочая языком, произнёс, – алё?

– Узнаю бодрый глас самого спортивного жителя Москвы!

– Чё? Борька, ты что – ли? Козёл старый! Чё хотел?

– Не хотел, а хочу! Наведи порядок у себя в клубе, а то набрал каких – то идиотов с улицы, хамят, за порядком не следят... Заехал к тебе с утра, побегать... Никакого удовольствия – в зале бомжи, зеркала заплёваны, на полу – обосранная туалетная бумага...

– Какой ты нежный! Не ты ли, в восемьдесят третьем годе задницу подорожником вытирал, когда мы с тобой на подготовительные курсы ходили, а? Заплёванные зеркала его не устраивают, видите ли! Небось, сам и заплёвал!

– Ты ещё детский сад вспомни! Разберись со своим staffом!

Я бросил трубку, и вытер вспотевшую ладонь о правую

брючину. Как он догадался, что это я нагадил? Чёрт! Просто Аркаша меня хорошо знает. Слишком хорошо. Я развалился на кожаном сиденье, и крикнул шофёру – поехали в офис!

2.

Я рухнул в офисное кресло, и утомлённо закатил глаза. Издав пару пошлых восклицаний, выразивших мою степень усталости от глупости окружающих, я схватил стакан с традиционным кофе, зажмурился, и сделал первый глоток. Выплюнув содержимое в раковину, я нажал на кнопку интеркома, – Леночка, зайди ко мне, пожалуйста.

Открылась дверь в приёмную, секретарша бодро процокала каблучками по полу, – Да, Борис Петрович?

– Откуда кофе? Кто привёз?

– Витя. Как всегда...

– Вызови его. Быстро.

За дверью послышался топот ног, затем в кабинет степенно, пытаясь придать себе солидный вид, вошёл Витя. Виктор. Сын моего однокашника Славика. Сдерживая сбившееся от быстрого бега дыхание, он шагнул вперёд, и замер в позе, выражающей оскорблённое достоинство. Я подошёл к нему впритык, и обнюхал. Сначала правое, затем левое плечо. От него исходил тонкий аромат какого – то стильного одеколона. Я обошёл его, и остановился у него за спиной. Минуты две, мы стояли в полной тишине. Затем, Витя повернул ко мне голову, и попытался что – то сказать. Я резко прервал его, – молчать!

Затем, совершенно нормальным, и даже ласковым тоном,

я спросил, – как твои дела, Витенька? Тебе у нас нравится? Всё устраивает? Зарплата? Кабинет? Обязанности? Ботиночки твои, за пару штук евро, не жмут, нет?

– Борис Петрович, я...

– Перед собой смотри, не поворачивайся! Тебя, всё устраивает? Да, или нет?

– Да.

– Хорошо. Скажи, пожалуйста, чем отличается латте макиатто от латте?

– Ну,...э...там это...пенка другая...

– Допустим. Какой кофе пью я?

– Макиатто.

– Хорошо. Какой кофе купил мне ты?

– Макиатто.

– Уверен?

– Эээ...да!

– Ты! Купил мне! Латте! У меня от него изжога!

– Я...

– Заткнись! Заткнись! Ты – сын моего однокашника, я тебя здесь терплю, только поэтому! У тебя диплом МВА, а ты латте от макиатто не отличаешь! Тебя же учили, case study, и прочая параша, учили ведь?

– Да, я хочу сказать...

– Заткнись! Назови мне основные принципы менеджмента!

– Эээ...организация, мотивация...кк...контроль, и...

– Коррекция! Коррекция, Витя! Ты проконтролировал этого халдея, который кофе бодряжил? Проконтролировал?

– ?!

– Нет! А если бы он туда плюнул, или нассал бы? А? А я бы выпил?

– ?!

– Контроль, Витенька! Контроль! Чему вас там учат...вернее, учат, может и нормально, а применить эти знания вы не можете! А теперь, я проведу коррекцию. Учитывая, что твоя ценность для моей организации близка к нулю, я даю тебе две недели (всё в соответствии с законодательством!) на поиск нового места работы. Ты – свободный агент! Любишь футбол? Вот! Ищи себе новый клуб!

В глазах юноши стояли слёзы. Его рот искривился, он всхлипнул, и опустился на колени. Я с интересом рассматривал его лицо, искажённое гримасой боли. Крупная слеза быстро пробежала по гладкой, юношеской щеке, оставив на ней влажный след. Я ткнул указательным пальцем в этот след, и облизнул его. Затем, я достал из кармана платок с вышитой монограммой (две перекрещённые буквы «Б» – Борис Борзенков), и накрыл им лицо сопляка.

– Витенька, а ты уже бреешься?

Из – под платка донеслось сдавленное рыдание.

– Не слышу?

– Да!

– Кгхм. Не похоже. Лицо у тебя, как у евнуха. Ладно. Ты

не расстраивайся, устройшься куда – нибудь на завод, научишься водку пить, заматереешь, батя приятно удивится, или в макдаке картошечку пожаришь пару годков, глядишь, чему – нибудь и научишься...

– Пызлста...

– Чего? Это, ты на каком сейчас, на испанском?

– Пршшу...

– Всегда любил испанский, португальский, так много шипящих звуков...

Платок слетел на пол, Витя умоляюще смотрел на меня своими телячьими глазами, – не увольняйте меня, Борис Петрович... папа этого не перенесёт... вы же знаете, ... он инвалид... мы же с голоду умрём...

Я отвернулся к окну, для того, чтобы скрыть торжествующую, злорадную усмешку – мне ли не знать!

Насладившись отражением своей злобной гримасы в оконном стекле, я резко развернулся на каблуках, подошёл вплотную к Вите, и вкрадчиво произнёс, – ничего не могу поделать Витенька, ты получаешь слишком большую зарплату, а у нашей фирмы тяжёлое финансовое положение... ты же хочешь, чтобы фирма процветала, хочешь?

Витя покорно кивнул головой, чем вызвал ещё один слезопад, солёная влага пролилась на грудь юноши.

– Мы даже бухгалтерской прибыли не получаем, я уж не говорю об экономической... впрочем, у тебя есть один вариант...

– Какой? – в глазах мальчишки промелькнула надежда.

– Умоляй меня. На коленях. Нет, не на коленях, на пузе!

Ползи на брюхе, и лижи мне ботинки (я тут в одной польской порнухе видел, главный герой говорит: лижь мне боту!), лижь мне боту! Давай!

Парень сморгнул, прокашлялся, затем вскочил на ноги, отряхнул пиджак, и (патетически выставив вперёд правую руку) срывающимся голосом прокричал, – да пошёл ты... старый... пердун! Увольняешь меня, – и хрен с тобой! Но... чтобы я полз, и твои вонючие ноги целовал? Не дождёшься! Вот! Выкуси! – он практически упёр свой кукиш в кончик моего носа. Я бросился к парню, и попытался обнять его. Он выставил какой – то блок (наверное, занимается единоборствами), и враждебно смотрел мне прямо в переносицу. На его лбу выступили крупные капли пота, он тяжело дышал, а ещё, его заметно потрясывало.

– Вооот! Вот! И достоинство появилось, и гордость! Всё в тебе есть! Так почему же ты всё это прячешь, и позволяешь обходиться с тобой так, словно ты – тряпка половая? А? Витенька, ты мне как сын, и я желаю тебе только добра, но ты отчаянно сопротивляешься всем моим попыткам привести тебя в чувство...

Парень растерянно заморгал своими огромными глазами, и робко произнёс, – так... вы не увольняете меня?

– Конечно же, нет! Приди в себя, старичок! Как я могу уволить сына моего лучшего друга, и по совместительству

самого способного менеджера фирмы? Да и туфельки твои мне нравятся...

Юноша не мог поверить своему счастью, слёзы ещё блестя на его щеках, а губы уже кривились в неуверенной, дурацкой, но счастливой улыбке. Я обнял его за плечи (по – отечески), и негромко (с доверительной интонацией в голосе) сказал, – всё, что не убивает тебя, делает тебя жирнее! Кто это сказал?

– Ницше?

– Ватель, повар Людовика четырнадцатого, умерший от асфиксии – пончик в горле застрял. Так вот, Витенька, не уподобляйся этому пончику, не застревай у меня в глотке, я – не Ватель, я тебя просто выхаркну. Понял? Хорошо. Иди, и помни про основные принципы менеджмента.

Витя вышел из кабинета, а я остался, и радостно потирал руки – день начался просто прекрасно: сначала Вассуя, а теперь Витя... Что может быть приятнее, чем причинить боль ближнему своему?

Я взял со стола стакан со своим макиатте, закрыл глаза, и (с наслаждением) отхлебнул.

3.

Конференц – зал быстро заполнялся сотрудниками. Увидев мои насупленные брови, они испуганно замолкали, и молча рассаживались по местам. По правую руку от меня сел Джеймс. Джеймс – настоящий, стопроцентный американец со всеми необходимыми атрибутами: лошадиная улыбка, обнажающая не только зубы, но и ярко – розовые дёсны, вытянутое, птичье лицо, взгляд, лучащийся дебильным, типично штатовским оптимизмом, и деревенская манера уснащать свою речь экспрессивными словечками типа: yeeeeah, yamee, bingo...

Джеймс занимает у меня должность бренд – менеджера, при этом, он ничего не понимает ни в стратегии продвижения бренда, ни в работе с поставщиками... да ни в чём, что касается его прямых обязанностей. Джеймс незаменим во время командировок (знает самые лучшие бордели во Фри-ско), и во время переговоров с инвесторами. Получив от меня (незаметный для инвесторов) пинок в свою тощую ляжку, он очень органично вопит, – *it s impossible! I disagree!*

Услышав крик души интуриста, инвесторы (как правило!) бледнеют, и раскошеливаются. Тех, кого бессвязные вопли Джеймса, убедить не могут, он берёт на испуг, громко выкрикивая: *If you want trouble – you ve got it!* Выкрики сопровождаются демонстрацией фотографии, запечатлевшей

Джеймса на сочинской набережной в обнимку с ручной мартышкой. Джеймс конвульсивно машет руками, и кричит, – You see? You see? Do you recognize this man? A? Do you? It's me and Barak Obama...this is us during the inauguration...now I'll call him...

Джеймс судорожно жмёт на кнопки, набирая чей – то номер, и продолжает выкрикивать безадресные угрозы. Джеймс, это мой ultima ratio, который я использую в самых сложных ситуациях.

Слева от меня садится Марина (моей цевницы стон прощальный), коммерческий директор моей фирмы. Кроме её деловых качеств (она – один из немногих компетентных сотрудников в моей фирме), она обладает ещё двумя ценными качествами: очаровательной смуглой попкой, и умелыми, такими мягкими, сочными, цвета спелой вишни, губами.

Совещание начинается с долгого, нудного выступления зама по маркетингу. Зам по маркетингу – длинный, как шест для прыжков в высоту, одышливый дедок с седыми клоками волос, задорно торчащими над ушами. Он громко плямкает серыми, похожими на несвежие котлеты, губами, медленно перекачивает слова во рту, таким образом, словно пробует их на вкус, затем, те из них, которые ему кажутся вкусными, он проглатывает, невкусные выплёвывает. В результате, большую часть времени, присутствующие слышали какое – то голубиное курлыканье, изредка прерываемое булькающими стонами, и трубными выкриками непонятных слов ти-

па: сегментация, клиент ориентированность, эффективность продаж...

Выступление зама здорово напоминало завывания шамана, убаюканный его неповторимой манерой, я положил руку на круглое, пленительное колено Марины, и негромко сказал, – камлает, ох, как он хорош, я уже почти заснул, главное, чтобы поллюция не случилась...

Марина негромко фыркнула, и сбросила мою руку со своего колена. Джеймс клевал носом, для того, чтобы взбодрить зарубежного гостя, я пнул его по плюсневой кости. Он зарычал от боли, и, увидев недоумённые взгляды коллег, громко проорал, – fucking yeaaaah! Не ожидавший подобной поддержки зам по маркетингу взбодрился, и выхаркнул, – пгхе – зен – стация! Произнесение этого ненавистного (для заместителя по маркетингу) слова, сопровождалось выплёвыванием целого фонтана слюней. В самом конце т – образного стола (места на верхней перекладине этой буквы занимали я, Марина и Джеймс) вскочил со стула прилизанный молодой человек, и произнёс заранее выученный текст.

– Если верно то, что глаза – зеркало души, также верно и то, что кожа – зеркало нашего желудка. В наше время, время высоких скоростей, и современных технологий, уход за кожей лица становится одной из главных задач. В обществе, ведущем товарное хозяйство, товаром является всё. Начиная от навыков, и заканчивая внешним видом. Молодость, красота – продаются не хуже любого другого товара...

Марина громко произнесла, – переходите к презентации, ещё не хватало нам тут лекции о природе рынка читать... (и вполголоса) ненавижу стартаперов...

Юноша смущённо откашлялся, и продолжил.

– Наука нашла множество способов борьбы с морщинами, увяданием кожи, но есть одна сфера, полностью незанятая... до сих пор. Представляю вам прибор с рабочим названием «Анти веснушка». Прибор предназначен для выведения пигментных пятен, появление которых обусловлено отложением в организме большого количества меланина.

Повинуясь манипуляциям рук юноши, зажётся экран плазмы, висевшей на стене. Увиденное поразило меня в самое сердце. Только вчера, я смотрел сериал посвящённый средневековью, в одной из серий которого мужеложцев казнили с помощью чудного приспособления – нечто среднее между мясорубкой и дыроколом. Любителям невинных мужских шалостей зажимали голову в тиски (заботливо снабжённые двумя металлическими чашечками, одна из которых одевалась на голову сверху, а другая деликатно поддерживала подбородок снизу – всё для удобства клиентов, ваш комфорт – наша цель!). А затем, плотоядно улыбающийся палач закручивал винт, сжимая тиски, превращая (таким образом) мозги средневековых толерастов в фарш. На экране было изображено похожее приспособление, разница была в том, что чашечки располагались не сверху, и снизу (как в фильме), а справа и слева. К прибору подошла щекастая, вес-

нушчатая деваха, скромно улыбнулась, и... поместила свою голову между чашечками. Я зажмурился, ожидая, что сейчас увижу, брызнувшие в стороны мозги. Марина коротко хихикнула, и ткнула меня указательным пальцем в бок, – не знала, что ты такой впечатлительный...

Я открыл глаза, и увидел на экране ту же самую девушку, живую и здоровую. Единственное отличие заключалось в том, что веснушки на её пухлых щеках превратились в омерзительные черные пятна. Юноша – ведущий манерно произнёс, – таким образом, мы присутствуем при торжестве высоких технологий над брэнной плотью! В результате несложных манипуляций, мерзкие, отвратительные веснушки превращаются в очаровательные, малозаметные, эстетически привлекательные папулы, которые засохнут, и отвалятся в течение двух недель со дня проведения процедуры. Конечно же...

Джеймс резко выдохнул, моргнул, прокричал «bingo!», и восторженно захлопал своими узкими, авитаминозными ладошками, по виду похожими на старые, изношенные стельки. Я пнул Джеймса по голени, и злобно прошипел ему в ухо, – stop this shitting, dumb motherfucker!

Успокоив ретивого иностранца, я встал со своего места, неспешно подошёл к стартаперу, принялся к нему (от него исходил лёгкий запах страха и неуверенности), и зашёл ему за спину. Юноша стал разворачиваться ко мне лицом, но я крепко взял его за плечи, и зафиксировал его в нужном мне

положении. Повисла тягостная пауза, я увидел, что шея юноши покрылась крупными каплями пота. Вытащив из кармана платок, украшенный вензелем из двух перекрещённых «Б», я нежно провёл им по шее молодого человека. Он вздрогнул, и опять попытался повернуться ко мне лицом.

– Стоять! – я гаркнул ему прямо в ухо. Юношу начало мелко потрясывать.

– Молодой человек...

– Меня зовут Кирилл...

– Молодой человек, скажите, пожалуйста, на что вы рассчитывали, приходя сюда с этим смехотворным проектом? Наш концерн является ведущим отечественным предприятием на рынке медицинского оборудования. Наша продукция продаётся в самых развитых странах мира, таких как: Монголия, Мозамбик, Конго... А здесь, в этой стране, нашими клиентами являются все самые известные представители творческой интеллигенции. Вся эта силиконово – ботоксная сволочь: припадочно завывающие, безголосые певички, манерные пидоры – актёры, шепеляво присюсюкивающие эстрадные комики... короче, все эти бездарные торговцы еблом, все они – наши клиенты! Как я должен позиционировать ваше пыточное приспособление? Как «железную деву»? «Стул ведьмы»?

– Я...

– Я представляю: в мой офис приходит эта конопатая тварь, ... которая поёт про «Вены – реки», «Яд и мёд», и про-

чее дерьмо... «Вены – реки» – ну надо же! «Анус – океан»!

Все сидящие в зале (кроме Марины) угодливо засмеялись шутке шефа.

– ... А я ей говорю, – у меня есть решение твоей проблемы! Правда, тебе придётся пару недель походить с чёрными оспинами на твоей деревенской роже, но это ничего! Они засохнут, и отвалятся... скоро. Зато, тебя можно снимать в ужастике, без грима! «Walking dead». Серия: «Авария на Бузиновском хладокомбинате. Протухшая говядина»!

Сотрудники деланно хохотнули.

– Ни один из моих клиентов не хочет быть похожим на труп Моргана Фримэна. Это у него вся морда в жутких чёрных пятнах, но ему простительно, он с пальмы свалился...

– Вы не поняли, здесь всё дело в том, как вы это позиционируете...

– Эту мясорубку невозможно продать, как её не позиционируй... мой вам совет – поработайте над дизайном... при виде вашего прибора, сразу вспоминаешь старую добрую инквизицию – «пройдёмся по костям, мой милый Торквемада!». И презентация... слабо, очень слабо? Где преимущества вашего блендера над остальными?

– Кожа клиента облучается импульсными пучками света, благодаря чему, она начинает вырабатывать больше коллагена...

– Вот! Уже лучше, но в презентации этого не было... и опять «кожа облучается»! Что это? Горячий отдых на Фу-

кусиме? «Доктор Оппенгеймер рекомендует «Анти веснушку»?»

Юноша глядел на меня непонимающими глазами.

– Манхэттенский проект, слышали? Нет? Ну, неважно. Подытожу. Исправьте недостатки, поработайте над дизайном, и приходите ко мне. Договорились? Кстати, если не секрет, ... сколько вы планировали выручить за эту ... этот гриль?

– Пятьдесят.

– Ну – ну, а вы шутник! – я снисходительно похлопал юношу по плечу, и вышел из конференц – зала.

4.

Невидимые глазу светильники рассеивали по комнате неяркий, приглушённый свет. Повинуясь музыке света, предметы теряли свои привычные, резкие очертания, и выглядели нечёткими, словно на картинах ранних импрессионистов. Невыносимо порочный, хрипловатый голос певички, льющийся из динамиков, искусно выводил какую – то незнакомую мне мелодию. От выпитого мною спиртного, голова несильно кружилась, в висках ощущалось слабое покалывание. Я пресыщенно поглядел на упругие ягодицы лежавшей рядом женщины. Да! Сорок восемь лет, это вам не хрен собачий, а собачачий! Помнится мне, что в мою первую брачную ночь я осчастливил свою жену девять раз, а на утро поехал на улицу Радио, играть в футбол с однокурсниками. Быстрее меня по футбольному полю не летал в тот день никто. А теперь... для подзарядки мне требуется время, и ещё кое – что... Будто бы прочитав мои мысли, женщина повернулась на левый бок, позволяя мне получить тот высший вид эстетического наслаждения, который доступен мужчине – наслаждение, получаемое от созерцания обнажённого женского тела. Она погладила мои рельефные грудные, и промурлыкала, – милый, я тебе хочу одну штучку предложить... только ты не сердись, и не отвергай идею сразу, обещаешь? Я насмешливо приподнял правую бровь, – секс втрём?

Карлики? Золотой дождь? Гэнг – бэнг? Чем ты пытаешься меня удивить? Я уже всё испробовал...

– Не то. Один мой знакомый... ну, почти знакомый... снимается в порно...

– Таак. Ну – ну...

– Дослушай, пожалуйста. Ты обещал.

– Угу.

– Так вот, у многих актёров возникает проблема с эрекцией, и они научились эту проблему решать. Делают инъекцию прямо в ... орудие производства, и... вуаля! Результат превосходит самые смелые ожидания!

Я брезгливо поморщился, – укол прямо в... буэээ!

Она поднесла к моему лицу руку с зажатым в ней небольшим (куба на три) шприцем, – я его очень просила, просто умоляла достать... и вот! Ну? Попробуем?

Я откинулся на спину, – ты... не понимаешь, что это унижительно? Для меня, для мужчины... подожди три минуты, ...и я буду готов... без всяких уколов...

–Я в тебе не сомневаюсь, ты в прекрасной форме, просто... ну почему бы не попробовать? Он сказал, что укол не отпускает несколько часов, – её глаза возбуждённо заблестели, – представляешь?

– Представляю. У меня такое было, в молодости. Я так старался, что у меня кожа с члена слезла... Это перед первой моей свадьбой было... Нам в загс надо ехать, а я по дому хожу с членом, засунутым в банку с марганцовкой...Лесик...

идиот... снял это на камеру... тайком... и вставил, потом в свадебное видео... Это я ему тогда передние зубы выбил...

– Очень интересно.... ну, что, я уколою?

– Я вообще – то к уколам не очень хорошо отношусь, и потом... я не знаю этого твоего... таинственного друга из порнухи... мало ли чего он в шприц накачал? Сейчас уколешь меня, и мой упругий дружок (я показал пальцем на безжизненно обвисший член) превратится в вяленький цветочек...

– Хуже уже не будет... в смысле... хватит кочевряжиться!

На секунду, на одну маленькую секундочку, я засомневался, а потом... выпитое спиртное, ощущение вальяжности и расслабленности, желание удивить молодую, полную сил женщину своей молодецкой удалью... короче, я махнул рукой, – коли!

Несмотря на свою браваду, я испуганно ойкнул, ощутив, как стальная игла входит в самое нежное место на теле. Шкура уколола меня, и похотливо облизывала губы, не находя себе места от нетерпения. Поначалу, я не почувствовал ничего. Затем, где – то глубоко внутри заработал невидимый мотор, мои нервы будто накручивали на огромный, невидимый барабан, не прошло и нескольких минут, как я воспрял... Мне казалось, что я весь превратился в огромный, напряжённый член, и целью всей моей жизни является необходимость сбросить это чудовищное напряжение. Я тихо засмеялся, и схватил девку за правую грудь, – ну, маленькая красная дырка, сейчас я буду тебя рвать... ты пожалеешь, что

вколола мне это дерьмо!

Телефон, лежащий на тумбочке, гулко завибрировал. Девка предостерегающе схватила меня за руку, – не отвечай, потом, давай сначала...

Я отбросил её руку, – не бойсь, я сегодня так писю поначалу, что мало тебе не покажется!

Я встал с кровати, с удовлетворением отметив, что в зеркале я выгляжу неплохо: подтянутый живот, мускулистые руки, выпуклые грудные, и (самое главное!) внушительный, увеличившийся в размерах, гордо реющий (как мне тогда казалось) член!

– Алло?

– Борис Петрович! Беда! Тут какой – то урод вашу машину зацепил! Он выезжал, а...

– Кто это?

– Это Юрик, охранник со стоянки...здесь эта...

– Юрик мне сейчас не до этого, я завтра разберусь...

– Да здесь гибддшник, вас требует...

– Да не приду я сейчас, денег дай ему...

В трубке послышался незнакомый, строгий голос, – гражданин Борзенков? Немедленно спуститесь на стоянку! Срочно! В вашем автомобиле обнаружены наркотики, и оружие...

– Что? Ты... ты чего несёшь? Какие наркотики? Ка... какое оружие? Ты... если это шутка,...то ты у меня своими яйцами поужинаешь! Вы... там чего... охренели все, что ли?

Одним прыжком я преодолел расстояние между мной, и

сейфом, в котором я хранил немного денег для разрешения похожих ситуаций. Не обращая внимания на заинтересованный взгляд лежащей на кровати женщины, я набрал комбинацию цифр, схватил пачку двадцаток (никогда не задумывался о том – а сколько долларов в пачке?), накинул коротенький шёлковый халат, украшенный изображениями немецкой канцлерины, делающей минет Бараку Обаме (купил по случаю в одном гамбургском магазинчике) и побежал к двери.

– Э! Э! Куда? А как же я?

Я остановился, и с тоской посмотрел на такое манящее, соблазнительное женское тело, а затем на свою вздыбленную плоть.

– Начинай без меня, я быстро сбегаю, и приду, закончу... начатое.

Не обращая внимания на протестующие вопли обнажённой самки, я выбежал в коридор, и несколько раз ткнул в кнопку вызова лифта. Ну, где же он? Что за напасть?

Мелодичный сигнал известил меня о том, что лифт прибыл. Я ворвался внутрь, и наткнулся на Викторию Трофимовну. Виктория Трофимовна – старушка божий одуванчик. Небольшого росточка, всегда неестественно прямо держит спину, поплёскивает глазками стального цвета из – под нависающих седых бровок, и радуется глаз нежно – фиолетовым цветом своих волос.

– Здравствуйте, Виктория Трофимовна!

Старушка молчала, напряжённо глядя прямо перед собой. Под ногами у неё путался очаровательный белый шпиц. Я вытянул к нему правую руку, – Тошка! Привет!

Всё так же молча, не сводя взгляда с какой – то точки на стене, Виктория Трофимовна присела, подхватила шпица на руки, и засунула себе в левую подмышку (подальше от меня, я стоял справа от неё). Я открыл рот для того, чтобы задать вполне логичный вопрос, и в этот момент увидел своё отражение в зеркале. Стены лифта были зеркальные, и со всех сторон я натёкался на своё изображение. Сперва, я себя не узнал. Из зеркала на меня глядел всклокоченный мужичонка в дурацком, коротеньком халатике, украшенном похабным принтом. Полы халатика разошлись, из – под них, словно выпученный от напряжения глаз циклопа, торчал сизый, налитый дурной кровью, наглый, словно прыщ на кончике носа, эрегированный член. Я попытался плотнее запахнуть полы халата, но он был коротенький, поэтому стянув его вперёд, и прикрыв свой срам спереди, я обнажил зад. Виктория Трофимовна бросила мимолётный взгляд на открывшееся великолепие, перекрестилась, и попыталась плотнее вжаться в дальнюю стенку лифта. Я громко прокашлялся, собираясь принести приличествующие случаю извинения, и в этот момент, лифт остановился. Мы двинулись к выходу одновременно (я хотел поскорее выйти, для того, чтобы не нервировать старушку своим видом, а она, для того, чтобы избавиться от неприятного соседства), и столкнулись в дверях.

От неожиданности, я развернулся к старушенции лицом (как вежливый человек, я просто обязан был извиниться!). В ужасе от всей этой сцены, Виктория Трофимовна слабо взмахнула правой рукой, (пытаясь отогнать меня, словно досадное наваждение), и довольно чувствительно задела своими кроваво – красными ногтями моего одноглазого друга. Я замер, испытывая томление во всех (если можно так выразиться) членах. Тошка вырвался из рук хозяйки, и радостно запрыгал по полу, периодически вставая на задние лапы, и пытаюсь достать своими лапками до непонятной штуковины, торчащей из – под полы моего халатика. На лице Виктории Трофимовны появилось выражение брезгливости, она раздражённо стегнула ни в чём неповинного пёсика поводком, вытерла влажной салфеткой инфицированную руку, зло плюнула на пол, и вышла из лифта. Я вышел из лифта вслед за ней, и быстро побежал в сторону стоянки. В голове роились бессвязные мысли. Какой смысл в том, чтобы покупать элитное жильё с охраняемой парковкой, если твою машину всё равно задевает какой – то урод? Что за бред нёс этот мент по поводу наркотиков и оружия? Сколько времени продолжается действие препарата?

На стоянке, у своей будки метался испуганный Юрик. Мужик у же за пятьдесят, а его всё Юриком кличут.

– Борис Петрович, я не знаю, как это получилось... я отошёл... буквально на минуту... по нужде... возвращаюсь,... а тут это... я не виноват, Богом клянусь! – он молитвенно сло-

жил красные, обветренные лапы на груди, и звучно выдохнул. Несмотря на то, что я человек привычный ко всему, я еле устоял на ногах. Перегар был такой ядрёный, что у меня защипало в носу.

– Уфф, Юрик, ты меня прямо проспиртовал... можно закусывать...

– Вы... вы, что... Борис... Петрович? У меня диабет, я... ик, не пюу...

– Проехали, потом разберёмся... где этот грёбаный мент? Откуда – то из темноты выступила мощная фигура в форме, – здесь грёбаный мент, здесь. Документики ваши предъявите, пожалуйста! – последнее слово было произнесено с издевательской интонацией. Я картинно похлопал себя по голым ляжкам, – не захватил, ты меня прямо с женщины снял, мент.

Фигура хрипло расхохоталась (он стоял спиной к свету, и я не видел его лица), – да уж вижу!

– Чего ты там по телефону нёс? Какое оружие? Какие наркотики?

Он сделал приглашающий жест рукой, – пошли, покажу.

Мы прошли метров пятьдесят, и я не смог сдержать эмоций при виде того, что осталось от моей машины. У меня большой автомобильный парк, но к бабам я езжу на маленьком Фиате – пунто нежно розового цвета. Увидев то, что от него осталось, я схватил Юрика за рукав, и сильно дёрнул, – слышь, ты, дятел! Здесь что, кто – то танк припарковал? Это

по – твоему называется «зацепил»?

Правая часть машины просто отсутствовала, складывалось ощущение, что её оторвало своими когтями какое – то чудовище, наподобие годзиллы. Или (как вариант) её оторвало ковшом экскаватора. В воздухе стоял устойчивый запах горелого металла. Из раскученного, полуоткрытого багажника торчал погнутый ствол автомата Калашникова. На бетонном полу виднелась насыпанная чьей – то щедрой рукой дорожка из белого, мучнистого порошка. Это было настолько нелепо, что я не смог сдержать короткий, злобный смешок. Гибддшник участливо спросил, – что, такая хорошая дурь, что до сих пор не отпускает? Плющит тебя?

– Да, штырит вовсю, видишь, аж балда встала! – я продемонстрировал ему торчащий из – под халата член.

Гибддшник быстро разорвал дистанцию, и ловко защёлкнул на моём левом запястье наручник. Я громко вскрикнул, – ты чего? Мы всё решим сейчас с тобой, сними эту...

– Я уже посмотрелся на таких, как ты, деньги есть – всё можно? Так, вы уроды живёте?

– Именно. Именно. У меня в кармане лежит твоя зарплата за пятьдесят лет беспорочной службы, забирай, и расстанемся, пока хорошие. Заметь, я это делаю не потому, что я виновен, а потому, что спешу, меня аппетитная женщина ждёт, а твоя неэстетичная внешность может отбить у меня охоту к любви... поэтому, давай, снимай, пока я не рассердился...

Ответом мне, был издевательский, хриплый смех.

– Нет, сучонок, нет! Не отвертисься! И в этот раз бабки тебе не помогут! Сядешь, сука такая, и надолго!

– Хорош глумится, я всё понимаю, сколько тебе надо? Меня женщина ждёт!

– Какая женщина может ждать такого как ты? Ты на мужика – то не похож. Волосы крашенные, зубы вставные... член, наверное, тоже... силиконовый?

– Обижаешь, генацвале... член натуральный, «Мираторг», мраморная говядина...

– Женщина, говоришь, это какая такая женщина, может быть вот эта, – он сунул мне в лицо смартфон, на экране которого, я с ужасом увидел окровавленное тело моей любовницы, распростёртое на простынях в позе, не оставляющей надежды на то, что она может быть живой.

– Эта женщина тебя дождётся, она уже никуда не убежит...

Я ударил его в лицо свободной, правой рукой, тут же продублировал локтем, и добил ударом колена. Занятия тайским боксом не прошли зря, хоть одна инвестиция себя оправдала. Юрик шумно засопел, увидев обмякшего на полу сотрудника.

– Чего стоишь? Обыщи его, найди ключи!

Юрик быстро прошёлся по карманам инспектора, и выудил заветный ключик. Освободившись от оков, я потёр посиневшее запястье, и похлопал лежащего по щеке, – ну, очнись! Ты мне ещё должен рассказать, кто тебя сюда прислал,

и что всё это значит... приди в себя!

Раздался какой – то треск, и Юрий повалился прямо на меня. Я оттолкнул тяжёлое тело, и вновь услышал треск, пуля звонко чиркнула по мятому крылу моего Фиата, и только тогда я понял, что в меня стреляют. Вскочив на ноги, я побежал, согнувшись вперёд, и стараясь совершать резкие рывки в разные стороны (я о таком где – то слышал, дескать, мешает стрелку прицеливаться). Я добежал до бетонного бортика, и перевалился через него, словно мешок с дерьмом. Совершив цирковой кульбит, я упал на траву, ободрал себе руки и ноги, и чудом не сломал дерзко торчащий член. Отбежав подальше от источников света, я рысью метнулся в плохо освещённый двор. Несколько минут я напряжённо прислушивался, но кроме обычных звуков большого города: воя сирен скорой помощи, визга тормозов, автомобильных гудков, я не услышал больше ничего. За мной никто не гнался. Странно. Я отдышался, и потихоньку выбрался к ближайшему шоссе. На поднятую мной руку, отреагировал водитель белоснежной Тойоты – камри. Открылась передняя дверь, и я увидел смеющееся лицо молодого кавказца.

– Тебе куда надо, шалун? К девочкам?

– Нет, мне куда – нибудь подальше отсюда... поехали в Дегунино!

Водитель причмокнул губами. – не, это не по пути... извини, брат.

Следующий водитель, молча меня, выслушал (я просил

отвезти меня к Речному вокзалу), окинул меня мрачным взглядом, и уехал, не ответив ни слова. Минут пятнадцать я бегал по обочине, отпугивая своим нелепым видом потенциальных извозчиков. В тот момент, когда я уже был близок к отчаянию, передо мной затормозил горбатый «Запорожец» без лобового стекла. Пассажирская дверь со скрежетом открылась. Не желая искушать судьбу, я плюхнулся на сиденье рядом с водителем, и скомандовал, – едем на Селигерскую! Машина плавно тронулась с места, а я попытался найти такое положение на сиденье, при котором эрекция не причиняла бы мне боли. Поёрзав некоторое время, я улёгся (не уселся, а именно улёгся) на сиденье, откинул полы халата в стороны, позволив водителю наслаждаться видом моего члена. Холодный воздух, проникающий в салон через отверстие для лобового стекла, приятно освежал разгорячённую кожу. Немного освоившись в необычном авто, я вопросительно посмотрел на водителя, а затем на мой торчащий член, – не против?

Водитель, маленький дедушка в клетчатой, а ля Бельмондо, кепке, и очках такой толщины, что через них можно было в подробностях рассматривать поверхность Марса, негромко ответил, – маленький не видно, а большой не стыдно.

Я негромко хмыкнул, и спросил, – а ты не любопытный, да, дедушка? Ни о чём меня не спрашиваешь?

– Чужую кобылу режь, а мою овцу не тронь.

– Чего это за манера такая, пословицами разговаривать?

– Кто в слове скор, тот в деле редко спор.

Удовлетворённый содержательными ответами водителя, я замолчал, и сосредоточился на своих мыслях. Меня мучали несколько вопросов. Что вообще происходит? Стрельба, смерть шлюхи, оружие, наркотики – что всё это означает? Кто стоит за всем этим? Как говорили латиняне, – ищи того, кому преступление выгодно! Кому оно выгодно? Да кому угодно! И куда мне теперь деваться? Судя по тому, как действовали нападавшие, они знают обо мне всё. Распорядок дня, привычки... Кстати! Почему они меня не убили? Сделать это было легко, я был один, без охраны... Можно было дождаться, пока я засну... или на парковке... я не ожидал ничего подобного, и был отличной мишенью... Не убили, потому что не собирались убивать! Значит, у них какая – то другая цель. Какая?

Мысли с трудом ворочались в мозгу. Голова была налита какой – то тяжёлой мутью, во рту пересохло, и вдобавок ко всему, меня стало потряхивать. Видимо, адреналин прекратил своё действие, на смену возбуждению пришло торможение.

– Деда, мне бы переодеться во что –нибудь... был у любовницы, а в разгар процесса неожиданно вернулся муж, ну и... сам понимаешь...

– За много дел не берись, а в одном отличись! – дед опустил стекло и смачно высморкался, на кончике торчащих из его носа волос одиноко повисла мутная зелёная капля.

– Так что? Поможешь мне? Есть у тебя телогрейка какая – нибудь?

– Держись за землю – матушку, она одна не выдаст!

– Кхгм. Я не понял, это значит «да», или «нет»?

Дед неожиданно крутанул руль вправо, и подрезал здоровенный, чёрный «Гелендваген». Водитель «Гелендвагена» заполошно засигналил, замигал фарами, и стал теснить нас к обочине. Я схватился рукой за то место, где в настоящем автомобиле находится торпеда, и закричал, – ты что творишь, старый? Жизнь не мила?

Дед засмеялся ехидным, мелким смехом, словно разбрасывая мелочь из кармана, и ещё раз крутанул руль, на этот раз влево, заставив преследователя резко затормозить, – смелому квас хлебать, а трусу болт сосать!

Я испуганно посмотрел на водителя, мне показалось, что жёсткие пучки волос у него в носу, и в ушах, встали дыбом, а из ноздрей идёт зеленоватый дым. Спрятанные за толстыми мутными стёклами, глазки победно сверкали, будто бы подсвеченные изнутри каким – то дьявольским огнём. Меня пронзила отчаянная догадка – старик безумен, и ищет смерти! Я сел в машину к самоубийце! Дед спокойно свернул на обочину, и заглушил двигатель. Я испытывал жгучее желание стать меньше ростом, согнуться, спрятаться, упасть на пол. Я не хочу умирать так глупо! Я вообще не хочу умирать! Сейчас из задней машины вылезут быки – громилы, увидят, что дед неменяемый, обнаружат меня, и...

«Гелендваген» резко затормозил, открылась водительская дверь, и на дорогу выбежал здоровенный бугай в белом обтягивающем джемпере, и дизайнерских джинсах. Рукава джемпера распирало от огромных, бугрящихся трицепсов, с его трапециевидных можно было кататься на санях – такие они были крутые, и объёмные. Плиты грудных мышц размеренно двигались во время бега, мне казалось, что на мокром асфальте оказался античный бог во всём своём великолепии. В ужасе от предстоящей экзекуции, я наклонился вперёд, и обхватил руками колени. Неугомонный член вылез из – под моей правой подмышки, и торчал наружу словно фи́га. Кто – то распахнул водительскую дверь мощным рывком, раздался победный рык какого – то мощного животного, краем глаза, я увидел, что деда буквально выдернули из сиденья, затем послышался какой – то писк, и грохот падающего тела. Стало тихо. Я немного повернул голову вправо, и приоткрыл правый глаз. Дед спокойно стоял у дверцы автомобиля, здоровяка не было видно. Я прилёг на водительское сиденье, сохранившее тепло стариковского тела, и увидел, что огромный, мускулистый атлет неподвижно лежит на земле. Не веря своим глазам, я вылез из машины, и подошёл к лежащему.

– Это... как это? Ты... что – ниндзя? А? Уважаемый...

Дед негромко хохотнул, и показал мне зажатый в кулаке электрошокер, – мала блоха, да кусаться лиха!

Старый диверсант пнул бугая ногой, – тяжёлы барские обноски, да нечем срам прикрыть...

Затем, он быстро, и очень профессионально обшарил карманы лежащего. Часы, деньги, цепочки, браслеты – всё это добро переключало в карманы стариковского плаща. Айфон последней модели дедушка грохнул об асфальт, и для верности потоптал каблуком. Кошелёк был безжалостно выпотрошен, и выброшен на обочину. Закончив обыск, старик быстро просеменил к машине здоровяка, и совершил какие – то манипуляции в салоне. Демонтирует видеорегистратор – понял я. Я стащил со здоровяка его одежду, и хотя она была мне на несколько размеров велика, всё же это было лучше, чем бегать по Москве в порнографическом халатике. Дед довёз меня до Селигерской, шокированный всем произошедшим, остаток пути, я просидел молча. Это не может быть правдой! Это какой – то бред! Сюрреализм! Такого не бывает! Сучка подмешала в шприц какой – то наркотик, сейчас я проснусь, и выяснится, что всё это – галлюцинация, искусно наведённый морок... В двигателе что – то заскрежело, «Запорожец» дёрнулся, и остановился. Водитель молча смотрел вперёд, я несильно тронул его за рукав, и тут же отдёрнул руку – под рукавом прощупывались литые, совсем не стариковские мышцы.

– Сколько я тебе... вам должен?

Старик неспешно пожевал губу, и загадочно ответил, – свой глазок смотрок!

Я вытащил из кармана пачку долларов, и предложил старику пять двадцаток.

– Без денег, везде худенек!

Я осознал свою ошибку, и удвоил сумму.

– Нет денег, и сто рублей не деньги!

Я отсчитал триста долларов, и решительно вложил их в руку старому вымогателю, – за конспирацию!

– Деньги как навоз: сегодня нет, а завтра воз!

Я почувствовал, как к моему левому боку прижалось что – то плотное, и услышал то характерное потрескивание, которое издаёт электрошокер. Задохнувшись от возмущения, я негромко спросил, – да сколько же тебе надо, старый? Я считал себя акулой капитализма, но... по сравнению с тобой, я чист, как младенец...

Дедушка смотрел на меня, не мигая, словно удав на крысу, и я понял, что его рука не дрогнет. Поэтому, я отдал деду все оставшиеся деньги, и поднял руки вверх.

– По доходу и расход! – дед жестом показал мне, что я могу покинуть его гостеприимное авто. Я вылез из машины, и несильно захлопнул дверь. «Запорожец» обдал меня вонючим выхлопом, и скрылся в темноте. Несколько минут я просто стоял, наслаждаясь прохладным ночным воздухом. Потом подумал, а ведь я до сих пор не знаю – сколько же денег в целой, нераспечатанной пачке двадцатидолларовых купюр?

5.

Как у всякого честного миллиардера, у меня был заготовлен план отхода – на всякий случай, мало ли что, ... Но... всё случившееся навело на меня на мысль, что этот план отхода провален, и мне нужен новый. Учитывая осведомлённость напавших о моей интимной жизни, мне нельзя было ехать ни на одну из моих квартир. Адреса моих бывших жён тоже были доступны, поэтому я отошёл в сторону от Коровинского шоссе, и дворами добрёл до Ховрино. Мокрый после дождя асфальт, маслянисто блестел под ногами. Огни фонарей плясали у меня перед глазами, спотыкаясь на неровном, выщербленном асфальтовом покрытии, я добрался до станции. Здесь, в одном из старых, пятиэтажных домов, жила Она. Мы не виделись лет двадцать, но я знал, что она не замужем, и у неё нет детей. Все эти годы я продолжал следить за её жизнью, тайком, словно вор. Пару раз я посылал ей деньги, таким образом, чтобы она не смогла отследить отправителя. И вот теперь, я стоял перед дверью в её подъезд, ожидая, пока кто –нибудь выйдет – я не знал кода от замка, а телефона у меня с собой не было. Минут через двадцать, дверь в подъезд отворилась, и на крыльцо вышел пузатый мужчина в застиранном халате цвета «отчаянное бордо». Упитанное небритое личико, недобрый взгляд исподлобья – всё говорило о душевной доброте, и отзывчивости. Абориген закурил,

и положил пухлую длань на внутреннюю сторону двери, а я попытался прошмыгнуть в подъезд. Владелец гламурного халата преградил мне путь, выставив поперёк входа толстенную волосатую ногу в тапочке с изображением Микки – Мауса.

– К кому? – у него оказался удивительно высокий голос для обладателя такого капитального тела.

Я решил идти напролом, и наугад, – а то сам не знаешь?

– Не знаю.

– Ты чего, не мужик что ли? Не знаешь, к кому у вас тут ходят?

Он погано осклабился, – знаю, вот только к ней одни и те же ходят, ... а тебя я вижу впервые, ... хотя рожа твоя мне, откуда – то знакома...

– Это вряд ли... ногу убери!

Он выдержал паузу, затем убрал ногу, и пропустил меня внутрь. С отчаянно бьющимся сердцем, я взбежал на третий этаж, и позвонил в круглый дверной звонок. Внутри квартиры послышались соловьиные трели, господи, у кого – то ещё остались такие звонки! Послышался скрежет замков, дверь отворилась, и я радостно выдохнул, – привет!

За прошедшие годы она почти не изменилась. Годы добавили ей морщин вокруг глаз, глаза выцвели, и сменили ярко – голубой цвет на водянистый, но фигура осталась прежней – вот что значит нерожавшая! Узкие бёдра, маленькая грудь – всё было также, как и раньше. Некоторое время она смот-

рела на меня, не узнавая, затем её рот округлился, – ты? Какого чёрта?

– Впусти меня, – я услышал, как толстопузый бегемот в халате, пыхтя, поднимается по лестнице, – внутри поговорим.

Она пропустила меня внутрь, и захлопнула за мной дверь. Я быстро осмотрелся – квартира однокомнатная, крошечный коридор, маленькая кухня, совмещённый санузел.

– Роскошествуешь?

– А то. Твоими молитвами, как столбами подпираюсь, а поскольку молишься ты плохо...

– Я вообще не молюсь.

– Каким ветром тебя занесло ко мне? А впрочем,... всё понятно... я новости смотрела...

– Новости?

– Садись на кухне, чайку попьем... Минут через десять, будет очередной выпуск.

Я плюхнулся на стул, и поморщился от боли – член просто разрывало от напряжения. Ира повернулась к плите, а я растянул джинсы, и выставил шершавого наружу. Она повернулась ко мне, увидела набухший от напряжения член, и громко выдохнула, – ты... опупел что ли? Что за шутки?

– Я просто рад тебя видеть.

– Дурак! Убери! Спать с тобой я не буду!

– Да, я и не рассчитывал,... если честно... мне нужна твоя помощь... эта штуковина торчит так уже часа три... ты же

медик... помоги!

Она рассержено швырнула блюда и чашки на стол, – урод! Двадцать семь лет от тебя ни слуху, ни духу! А теперь, ты заявляешься ко мне с каменным стояком, и просишь помощи?

– Я понимаю, как нелепо это выглядит, ... но у меня никого кроме тебя нет... в смысле – я никого не могу попросить о помощи!

Она опустила на стул, и её плечи затряслись от рыданий. Ситуация была нелепая. Я сидел на кухне у чужой мне женщины, выставив отёкшего гунявого, а она рыдала, проклиная меня, мерзавца, сломавшего ей жизнь.

– Какой же ты гад, Борзенков! Какой гад! Ведь с самого начала с тобой всё было понятно... С первого курса... С того момента, как ты подцепил меня в буфете, прогнав вот эту твою туфту (она скривила лицо, и заговорила писклявым голосом, передразнивая меня) – девушка, вы хотите провести время в компании атлетичного, разносторонне развитого блондина? Не гербалайф! И... я тебе поверила... и жила с тобой до того момента, как ты не обрюхатил эту дуру... а потом бегал с зачётками по преподавателям, – поставьте моей жене зачёт, она готовится стать матерью! И мне поставьте, – я готовлюсь стать отцом! Двадцать семь лет от тебя ни одной весточки! И вот ты припёрся... в своём репертуаре, с членом наперевес, словно какой – нибудь питбуль!

Я встал, и нажал кнопку на телевизоре, стоявшем на хо-

лодильнике. Бодрый голос ведущего сбивчиво тархтел:

– ...признанный бизнесменом года в две тысячи шестнадцатом году – на экране появилась моя рожа, лоснящаяся от самодовольства.

– ... руководитель одного из крупнейших в стране концернов – производителей медицинского оборудования...

– ... подозревается в совершении тройного убийства...

Мой рот непроизвольно открылся, – чего? Какого...

– ... в интересах следствия, мы не можем показать вам всю плёнку, но и того, что вы увидите, достаточно для того, чтобы с уверенностью утверждать – Борис Борзенков – жестокий и бессердечный убийца!

На экране появилось чёрно – белое изображение с камеры наблюдения на стоянке. В кадре был я, Юрик, и инспектор ГИБДД. Затем, я нанёс инспектору несколько ударов, и он упал, после чего, прошла монтажная склейка, Юрик повалился на меня, оттолкнув его тело, я убежал куда – то в сторону, и исчез из кадра.

– ... можно констатировать, что с уважаемым бизнесменом произошло нечто вроде того, что японцы называют термином «кароси» – выгорание на работе. Сошедший с ума от напряжения Борзенков, убил девушку с пониженной социальной ответственностью, затем сотрудника ГИБДД, и работника парковки. Оставив после себя три трупа, убийца скрылся в неизвестном направлении. Главное управление внутренних дел...

Я опустил на стул, и стал хватать воздух ртом – три трупа! Один из них сотрудник... стоп! Я его не убивал! Я вообще никого не убивал! Ни его, ни шлюху, ни Юрика! Меня кто-то подставляет!

–...что тут можно сказать? Богатые тоже мочат! Ха – ха! Не переключайтесь! Впереди новости спорта, и прогноз погоды!

Мать твою! Убийство сотрудника! Всем известно, как поступают менты в случае, когда убит один из них – они стараются завалить убийцу при задержании. Я – труп! Денег нет, документов нет, шансов на то, чтобы спастись – тоже нет. Что делать? Нырнуть с балкона, головой вниз? Третий этаж, вряд ли удастся убиться об асфальт, а вот превратиться в овоща – это вполне вероятно. Лежать на кровати, с трубами, вставленными во все места, пускать слюни, мычать что – то нечленораздельное – заманчивая перспектива. Как говаривал один носатый персонаж: «Но нет! Благодарю!». Другой вариант: рядом железная дорога, голова на рельсах, стопроцентная гарантия успеха, некрологи в газетах: «Борис Борзенков – Анна Каренина XXI века! Смерть от безответной любви к деньгам!». Заманчиво, но... «Нет! Благодарю!». Стоп. А чего это я паникую? Что случилось? Ну, обвиняют меня в тройном убийстве, ну... бывает... Найти меня не просто: по телефону не отследишь, кредиток у меня с собой нет, ... Я вспомнил, как полиция объявила в розыск моего соседа по лестничной клетке. Пьяный, он пытался задушить свою

жену, она написала на него заявление. Три года он спокойно жил на даче, жена возила ему продукты, а в её отсутствие он вызывал из города веселых девиц... Заманчиво. Очень. Отдохнуть от офисной рутины, всех этих скудоумных приматов, которые окружают меня на работе... Не получится. Я хочу узнать – кто за всем этим стоит. Судя по всему – это спланированная акция, и готовилась она не один день. Подготовка требует времени и денег, а деньги всегда оставляют следы. Отслежу источник их происхождения, и найду того, кто за этим стоит. Паяльник в жопу, и человечек споёт мне круче, чем кастрат Фаринелли. Весь процесс запишу на камеру, и буду просматривать дождливыми осенними вечерами, именно в такое время на меня находит слезливое, ностальгическое настроение. Ира прервала мои радужные мечты какими – то словами, я только сейчас заметил, что она уже давно что – то говорит.

– ...лёд попробуем?

– Коктейль? Со льдом? Я не против...

– Приложить лёд к твоему... кхгм. Может отпустит?

– А... это. Ну, давай, – я вспомнил о том, что до сих пор сижу перед институтской подругой в непотребном виде, – слушай, а может ты... мне поможешь по – другому? Закаатишь моё солнышко вручную, так сказать?

– Что? – она вспыхнула от негодования, – а не пойти ли тебе...

– Шутю. Неудачно. Был неправ. Компенсирую тебе все из-

держки, ... в том числе моральные. Давай свой лёд.

Я приложил пакет со льдом к своему вспухшему члену, стало немного легче, но эрекция не проходила. Ира села за противоположным концом стола, и сочувственно посмотрела на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.